

КИТЬ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛЕКСАНДРОВСКЪ.

— Кить, кить! Смотрите, вонъ тамъ онъ только что выбросилъ свой фонтанъ! — неистово кричалъ Маркъ Николаевичъ, указывая рукой въ море.

Встреча съ китами вообще не представляла редкости. Но когда я услышалъ этотъ крикъ, мое сердце забилося и, бросивъ работу, я началъ смотреть въ указанномъ направленіи. Увидать кита, этого колосса Ледовитаго океана, казалось мне чуть-ли не счастьемъ.

Въ это время мы стояли на станціи. Только что былъ поднятъ оттертролль и начался спускъ пелагической сетки.

Минуть 10 смотрель я въ слабо волнующуюся поверхность океана и началъ уже думать, что Маркъ Николаевичъ ошибся. Но вотъ среди волнъ показалось что-то черное, выпуклое и блестящее, какъ хорошо вычищенный сапогъ; тонкая струйка воды блеснула въ воздухе и разсыпалась белымъ облачкомъ, а вследъ за нимъ послышался какой-то странный звукъ, напоминающій глубокой, отрывистый вздохъ. После этого все снова скрылось.

— Обождите, онъ скоро подойдетъ къ пароходу! — сказалъ капитанъ, заметивъ наше волненіе.

Действительно, следующій фонтанъ былъ выброшенъ гораздо ближе, а затемъ мы увидели кита уже возле самага парохода. Это былъ не гренландскій кить и не синій кить, — самые громадныя изъ китовъ, а полосатикъ, названный такъ

потому, что вдоль его тела съ брюшной стороны тянутся складки кожи въ виде продольныхъ полюсь. Трудно было на глазъ определить его величину, но, вероятно, въ длину онъ былъ не меньше 12 метровъ. Въ прозрачной воде было ясно видно, какъ онъ плавалъ, какъ, нырнувъ, уходилъ подъ пароходъ и появлялся у другого борта, какъ раскрывалъ свою огромную пасть съ висевшими въ ней пластинками уса. Что привлекало его къ пароходу? Быть можетъ, онъ виделъ въ немъ нечто сродное себе?!

... Ужь 16-й день мы были въ море! 16 дней болтали насъ океаническія волны! Работа шла непрерывно, какъ въ хорошо заведенной машине. Все мы съ нетерпениемъ ждали возвращения. Насъ утомила не работа, а море: для сухопутнаго человека тяжело не видѣть 16 дней земли!

Кроме того быть 16 дней отрезаннымъ отъ всего міра тоже тяжело. Только испытавшій это пойметъ, какія мысли и ожиданія охватывали насъ въ этотъ моментъ!

Мы сидели въ каютъ-кампаніи за обедомъ. Наши пищевые запасы истощились: уже давно, не было мяса и свежаго хлеба, морскія галеты (сухари) составляли теперь наше меню.

— Господа, открылся берегъ! — заявилъ только что спустившійся къ намъ Александръ Петровичъ.

Почти все мы бросились на капитанскій мостикъ. Такъ миль и дорогъ былъ намъ берегъ! Но какъ ни напрягали мы наши глаза, ничего кроме однообразно вздымающихся, серовато-мутныхъ волнъ различить не могли.

— Где же берегъ? — съ разочарованиемъ спрашивали мы.

— А вот посмотрите сюда, — сказала Василий Николаевичъ, протягивая призматическій бинокль.

Я посмотрелъ въ указанное место и увиделъ на горизонте едва заметную темную полосу. Никогда бы я не подумалъ, что это берегъ.

Когда я после обеда поднялся на мостикъ и посмотрелъ въ бинокль въ ту сторону, где долженъ показаться берегъ, я уже ясно увиделъ береговья скалы; оне какъ будто выдвинулись изъ морской пучины. Что-то ждетъ меня тамъ, на берегу? Какія вести, какія новости? Ведь 16 дней — срокъ вполне достаточный для того, чтобы произошли самыя крупныя и важныя событія!

Вотъ и последняя станція! Лабораторія убрана. Мы все разбрелись по каютамъ и приводимъ себя въ береговой видъ: сбрасываемъ высокіе сапоги и теплыя фуфайки, переодеваемся въ обыкновенный костюмъ и моемся, моемся безъ конца.

На капитанскомъ мостике оживленіе. Тамъ тоже съ нетерпеніемъ ожидаютъ берега.

Вотъ уже ясно видны береговья знаки, показывающіе входъ въ заливъ. Ласково встречаетъ насъ земля! Тонкій ароматъ цветовъ доносится къ намъ легкимъ береговымъ ветеркомъ. Солнце, котораго мы не видели больше двухъ недель, ярко освещаетъ и засиневшее море и зеленеющіе берега!

— А механикъ здорово пару пустиль! — говоритъ Александръ Петровичъ, глядя на часы и считая по звуку обороты винта.

— Убрать лагъ! — раздаётся команда!

— Есть, убрать лагъ! — откуда-то снизу доносится ответъ вахтеннаго матроса.

— Боцманъ!

— Есть!

— Свистать всехъ на верхъ, на якорь становиться!

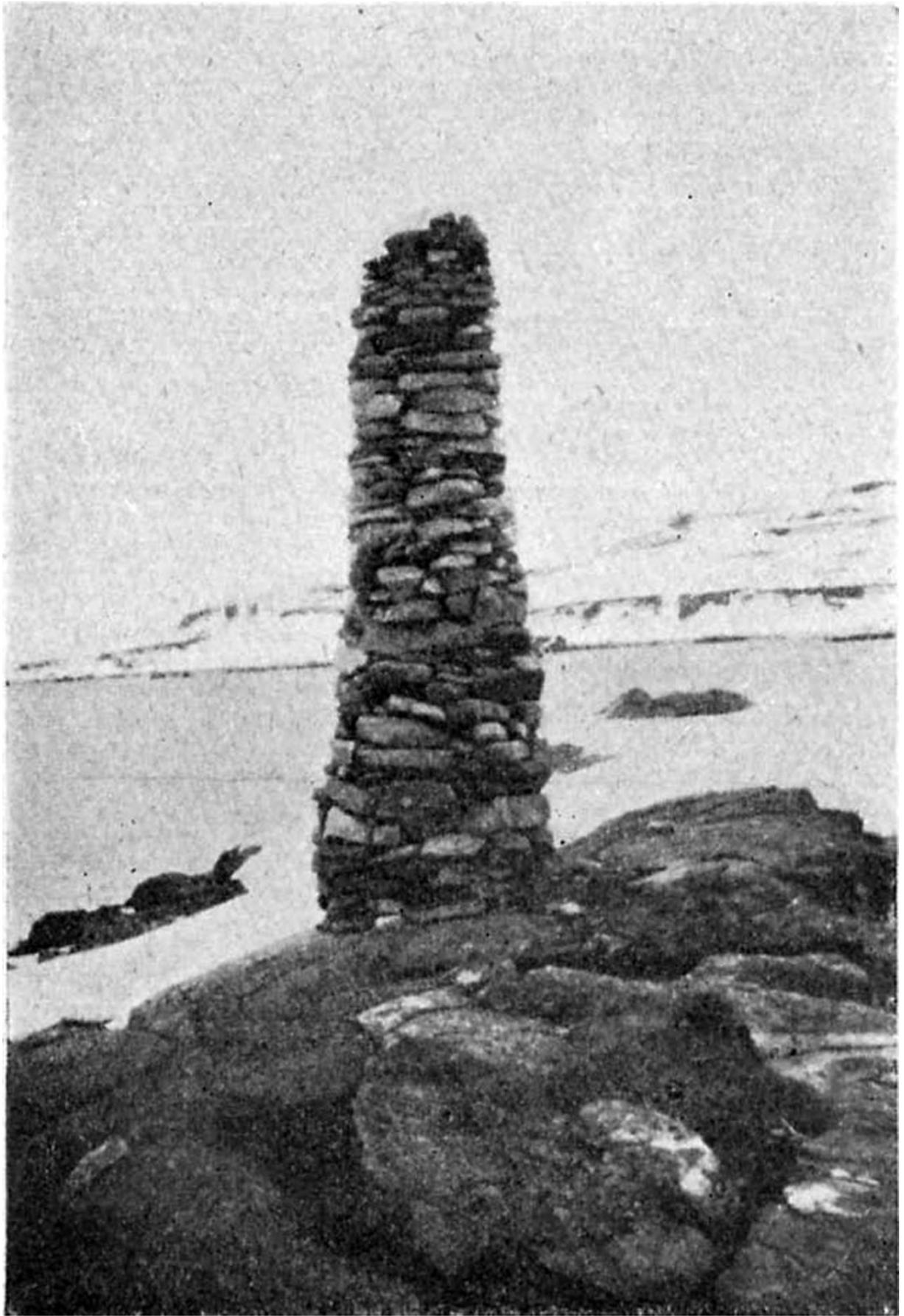
Мы входимъ въ Кольскій заливъ. Василій Николаевичъ съ боцманомъ уже продувають якорную лебедку.

Съ шумомъ разрезая водную гладь, входитъ «Андрей Первозванный» въ Екатерининскую гавань. Снова съ сосредоточеннымъ видомъ окидываетъ Александръ Петровичъ разстояніе до берега, выбирая место, где долженъ лечь якорь.

— Отдать якорь!

Гремитъ якорная цепь! Вздывая целыя снопы брызгъ, падаетъ якорь въ воду!

А на берегу уже стоятъ наши товарищи, улыбаясь намъ и помахивая целой пачкой газетъ и писемъ!

Береговой знакъ.